

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СМЕРТЬ КАК ПРОБЛЕМА ЭТИКИ НЕЙРОНАУК

Попова Ольга

Владимировна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН, Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: J-9101980@yandex.ru

В статье исследуется проблемное поле современной этики нейронаук (нейроэтики) и представлен философский анализ ряда проблем этой междисциплинарной области знания, имеющих прикладной характер.

Дано общее представление о состоянии этической проблематики современных нейронаук и показано, что исследования в данной области охватывают как фундаментальные проблемы, которые классически относились к области исследования философии (например, такие как проблема психофизического дуализма, физических оснований сознания, свободы воли и ее взаимосвязи с деятельностью мозга), так и проблемы с прикладной направленностью, эксплицирующие этико-социальное и правовое измерение развития инноваций в области нейронаук и актуализирующие анализ их социальных рисков. В статье отмечается, что развитие нейроэтики в современном мире стало возможно благодаря особому способу функционирования современной науки, который получил название технонауки, и развитию феномена этизации технологического развития, который в практическом плане выразился в исследовании проблемы соответствия результатов инновационных научно-технических проектов интересам различных социальных групп, их ожиданиям и ценностям, а также способствовал определению статуса новых технологий в отношении социальной реальности. На основе использования ресурса дискурс-анализа Р. Харре, выделившего персональные грамматики (П-грамматики), организмические грамматики (О-грамматики) и молекулярные грамматики (М-грамматики), был представлен этико-философский анализ такой проблемы современного дискурса о нейронауках, как «смерть мозга», и дано структурное описание новых биотехногенных идентичностей человека. Сделан вывод о том, что концепция смерти мозга представляет пример конвенционального характера научной истины, на формирование которой оказывают влияние различные социокультурные и экономические факторы. В контексте развития нейронаук и появления новых методов регенерации мозга она может быть подвергнута переосмыслению.

Ключевые слова: этика нейронаук, нейроэтика, нейротехнологии, смерть мозга, философия сознания, нейрофилософия, технонаука

HUMAN AND HUMAN DEATH AS A NEUROSCIENCE ETHICS PROBLEM

Olga V. Popova – CSc in Philosophy, leading research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

The article deals with the philosophical problem field of modern neuroethics. The general idea of the state of modern neuroethics is given and it is shown that research in this area encompasses both fundamental problems that classically belonged to the field of philosophy research (for example, such as the problem of

12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240,
Russian Federation;
e-mail: J-9101980@yandex.ru

psychophysical dualism, the physical bases of consciousness, freedom of will and its interrelation with brain activity) and problems with applied orientation, explicating the ethical-social and legal dimension of innovation development in the field of neuroscience and actualizing the analysis of their social risks. It is shown that the development of neuro-ethics in the modern world became possible thanks to a special way of functioning of modern science, which was called the technology of science and to the development of the phenomenon of technological development ethification, which in practical terms was expressed in the study of the problem of the correspondence of the results of innovative scientific and technical projects to the interests of various social groups, their expectations and values, and also helped to determine the status of new technologies in relation to social reality. The article gives an idea of the existing normative field necessary for the development of neuro-ethics. On the basis of using the resource of discourse analysis of R. Harre, who singled out personal grammar (P-grammar), organism grammar (O-grammars) and molecular grammar (M-grammar), a philosophical analysis of such a problem of modern neuroethics as brain death was carried out. Also was given a structural description of new biotechnogenic identities of human being. The conclusion is drawn that the concept of brain death is an example of the conventional nature of scientific truth, the formation of which is influenced by various socio-cultural and economic factors. In the context of the development of neuroscience and the emergence of new methods of brain regeneration, it can be rethought.

Keywords: neuroethics, neurotechnologies, brain death, technoscience, philosophy of consciousness

Этика нейронаук (нейроэтика): к попытке определения понятия

Этика нейронаук (и как синоним – нейроэтика), представляя, пожалуй, наиболее развитое направление современной западной биоэтики, до сих пор не стала предметом глубокого осмысления в российской науке. Исследования в данной исследовательской области охватывают как фундаментальные проблемы, которые классически относились к области исследования философии (например, такие как проблема психофизического дуализма, физических оснований сознания, свободы воли и ее взаимосвязи с деятельностью мозга), так и проблемы с прикладной направленностью, эксплицирующие этико-социальное и правовое измерение развития инноваций в области нейронаук и актуализирующие анализ их социальных рисков. В целом, в современном биоэтическом дискурсе понятия нейроэтики и этики нейронаук зачастую употребляются как синонимы. В то же время именно с понятием нейроэтики связаны философские коннотации и эпистемологические предпосылки, подразумевающие влияние мозговой деятельности на генезис этических норм, развитие

социальных предрасположенностей, дающих возможность для появления морали, закрепление устойчивого поведения, соответствующего предъявляемым требованиям общественной нравственности.

Современная нейронаука представляет широко разветвленную междисциплинарную область исследования, которая, с одной стороны, имеет прямое отношение к изучению структуры и функций мозга, а с другой – обращена к жизненному миру и к различным предметным областям, где актуальными оказываются полученные знания о мозге. Мода на широкое использование такого рода знаний и их не менее широкую интерпретацию привела к появлению в современной структуре науки таких исследований, как нейрофилософия, нейропсихология, нейроинформатика, нейрогенетика, нейросоциология и др. Кроме того, в рамках таких традиционных нейронаук, как неврология или нейрофизиология, востребованным оказалось использование знаний, полученных в других областях исследований, и в частности, этики.

Исследовательское поле этики нейронаук зачастую очерчивается достаточно произвольно и предельно широко. Здесь могут быть проблематизированы совершенно разные вопросы: о влиянии нейронных сетей на наш свободный выбор, о возможности когнитивного улучшения живых существ (например, домашних животных), о критериях достоверной интерпретации данных, полученных в результате визуализации деятельности мозга и т. д. В процессе формирования дискурса о развитии нейронаук выделились исследовательские программы, в рамках которых огромную значимость приобрела этико-аксиологическая составляющая. Среди них особенно актуальны следующие научные направления: 1) этические проблемы нейроисследований; 2) исследование нейрооснований морали; 3) использование нейротехнологий как технологий усиления (улучшения) человека. В рамках каждого направления выделяется ряд теоретических и практических проблем, требующих осмысления в широкоформатном междисциплинарном обсуждении, с использованием методологических ресурсов современной этики, юриспруденции, философии науки и техники.

В изданной в 2015 г. под редакцией Jens Clausen и Neil Levy «Настольной книге по нейроэтике» [Handbook, 2015] (к слову, объемом около 2000 стр.) описываемый спектр проблем чрезвычайно широк. Позволю себе выделить лишь некоторые направления исследований в области нейроэтики: моральное познание и его нейробиологические основания, взаимодействие разума и эмоций в моральном суждении, нейронауки, проблема свободы воли и ответственности, сознание и деятельность, нейроантропология, нейроэтика и идентичность, психофармакология и проблема улучшения человека, проблема информированного согласия и нейрохирургия, этические проблемы глубокой стимуляции мозга, нейроимиджинг и др. Безусловно, этот список по-

степенно будет пополняться новыми и новыми проблемами. Определение исследовательского поля научной дисциплины на заре ее становления – достаточно сложная задача. В хорошей обзорной статье «Neuroethics», размещенной в Википедии, прекрасно говорится об этом: «Поле настолько молодое, что любая попытка определить его объем и границы в настоящее время, несомненно, будет опровергнута в будущем, с развитием нейронауки и выявлением последствий этого развития» [Neuroethics – <https://en.wikipedia.org/wiki/Neuroethics>].

Нейроэтика и технонаука

Развитие нейроэтики в современном мире стало возможно благодаря особому способу функционирования современной науки, который получил название технонауки. Ее отличительной чертой является ««встроенность» научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий» [Юдин, 2005]. Б.Г. Юдин обращает внимание на существование двух контуров технонауки: внутреннего и внешнего [Юдин, 2016]. Внутренний контур технонауки имеет дело с установлением «все более тесных и многообразных связей между наукой и технологиями», в то время как внешний «включает еще такие составляющие, как бизнес, финансирующий разработку новых технологий, человека как индивидуального и вместе с тем массового их потребителя, и общество, через посредство которого осуществляются взаимосвязи между всеми остальными блоками этого контура» [там же]. Трансляция научного знания во внешний мир вызывало разнообразные риски как для отдельного человека, так и для человечества в целом. Внешний контур технонауки оказался социально ориентированным и одновременно этически напряженным. Наука внедряла свои разработки в человеческой жизни, и он как субъект технологических воздействий и преобразований, равным образом как и те или иные формы его существования, оказывались под особой угрозой со стороны несущего различные социальные риски научного знания. Такая ситуация спровоцировала всплеск этической рефлексии, в методологическом отношении выразившейся в формах гуманитарной экспертизы, этико-социального анализа, развитии ситуативных исследований («case study»).

Феномен этизации технологического развития в практическом плане выразился в исследовании проблемы соответствия результатов инновационных научно-технических проектов интересам различных социальных групп, их ожиданиям и ценностям, способствовал определению статуса новых технологий в отношении социальной реальности. Развитие нейроэтики в современном мире играет решающую роль в создании благоприятной социальной среды ответственного

инновационного развития нейронаук. При этом социогуманитарное сопровождение развития нейронаук предполагает вовлечение как носителей экспертного знания, так и профанов, людей с улицы, будущих потребителей разработок, появляющихся благодаря развитию нейронаук. Нейроэтику можно рассматривать как определенный сдерживающий фактор, позволяющий создать ограничения для различных злоупотреблений в области научного развития. С другой стороны, она формирует в обществе определенный климат доверия, стимулирующий процесс социального принятия инноваций в области нейронаук.

Быстро развивающаяся инновационная среда сама формирует запрос на исследования в области нейроэтики, позволяющие выявить моральную сенситивность будущего потребителя технологий к тому или иному продукту. Аналогично общество заинтересовано в учете своего мнения при развитии тех или иных направлений исследований. С этой целью проводятся комплексные исследования, позволяющие дать развернутую картину необходимого для общества и инновационной среды развития нейроэтики. Хорошей иллюстрацией таких исследований могут послужить 2 тома доклада Комиссии по биоэтике при Президенте США (2014–2015 гг.) [Gray Matters – https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcsbi/sites/default/files/GrayMatter_V2_508.pdf], посвященные анализу широкого спектра этических проблем развития нейронаук. Другим ярким примером является европейский проект «Человеческий мозг» (Human Brain Project), посвященный исследованию проблем компьютерного моделирования этики и включающий исследование связанных с развитием нейронаук этических аспектов. На сайте проекта представлена широкая карта нейроэтических проблем, которая играет роль существенной методологической предпосылки проекта. В целом следует еще раз подчеркнуть, что этическое сопровождение этих и подобных проектов – неотъемлемая часть развития современной науки.

На Западе развитие нейроэтики напрямую коррелирует с развитием нейротехнологий. Успехи последних стимулируют этико-философскую рефлексию, давая основания для развития новой области знаний, с одной стороны, и способствуя минимизации антропологических рисков – с другой. Проблемы нейроэтики освещает целый ряд зарубежных научных журналов, таких как «Neuroethics», «American Journal of Bioethics – Neuroscience», «The Journal of Cognition and Neuroethics» и др., изданы значительные научные труды в этой области. В 2006 г. было основано Международное общество нейроэтики, междисциплинарная группа исследователей, изучающих социальные импликация и риски развития нейронауки.

В Российской Федерации нейроэтика делает лишь первые шаги и остро нуждается в предварительной разметке проблемного поля.

Смерть человека в дискурсе нейроэтики

1. Различные грамматики человека (в контексте идей Р. Харре)

Следующей темой моего рассмотрения будет анализ проблемы, отчасти скрытой от взора нейроэтики и обсуждающейся в локальных (преимущественно медицинских) контекстах. Речь пойдет о проблеме смерти мозга человека.

На мой взгляд, обсуждение этой проблемы позволяет более пристально рассмотреть ряд других проблем нейроэтики, имеющих фундаментальное значение для философской мысли, таких как, что такое человеческая личность, что такое смерть и где расположены границы между человеческим/нечеловеческим в современных научных дискурсах? С целью освещения проблематики смерти мозга воспользуюсь в качестве методологического подспорья анализом Р. Харре, но при этом буду анализировать его позицию, привлекая аргументацию других философов.

Р. Харре в целях описания человеческой жизни, которая может быть представлена в той или иной разновидности дискурса, выделяет три основные грамматики. Во-первых, речь идет о грамматике, которую условно можно назвать персональной (П-грамматика). Ее базовыми единицами являются личности, производящие действия. Поскольку понятие «действие» всегда подразумевает наличие ответственности со стороны совершившего его агента, постольку главной «отличительной чертой П-грамматик является способ работы с понятием моральной ответственности» [Харре, 2005, с. 47]. Персональная грамматика также определяется особым темпоральным отношением, выражающимся в припоминании. Как представляется, помнить о чем-либо подразумевает наличие утверждения о чем-либо, отозвавшегося во мне определенными последствиями; т. е. воспроизведение его в моей памяти. Следовательно, память – это то, над чем я властвую и за что я в определенном смысле несу ответственность. Как отмечает Р. Харре, «помнят люди, а не их мозги» [там же]. Данное замечание позволяет провести различие между персоной и ее органическим инструментарием – органичной машиной, которой оказывается ее собственное тело, описываемое на языке организмической, грамматики (О-грамматики). Метафора «машины» как эвристическая гипотеза важна при анализе проблемы протекания сознательной деятельности и исследования связи сознания и мозговых процессов, для характеристики персонального способа бытия. Однако, как подчеркивает Р. Харре, «несмотря на то, что в качестве инструмента, используемого людьми в процессе их деятельности, мозг может быть учтен в исследовании мира личностей, сами личности не могут быть

описаны в качестве части мира нейронов и молекулярных процессов» [Харре, 2005, с. 39]. Замечание Р. Харре отказывает в универсальности еще одному виду грамматики о человеке – грамматике молекулярной (М-грамматике). Ее базовыми единицами (источниками деятельности) являются молекулы и кластеры молекул. Законы М-грамматики отражены в языках физиологии и молекулярной биологии.

По аналогии притязаний на универсальное описание оказывается лишен и третий вид грамматики – организмический. Данная грамматика описывает организмы и деятельность организмов. Организмическая грамматика применима как по отношению к человеческим существам, так и по отношению к животным.

Отличительной особенностью персональной грамматики по сравнению с двумя другими видами грамматик является «использование понятий наподобие значений и правил» [там же], в то время как О- и М-грамматики характеризуются употреблением причинно-следственных понятий. Использование причинно-следственных понятий является примером фиксации устойчивых законов природы, неизбытности и нерушимости порядка заведенного механизма. О- и М-грамматики я буду условно называть общим термином «машинные грамматики», если под машиной понимать в духе картезианства автомат, лишенный воли, духа. Функционирование машины сопряжено с роковой предопределенностью, отсутствием способности взять на себя ответственность, отсутствием воли как таковой. В теле-машине «остается лишь данность слепого материального порядка, называемого «природой», которому благоразумно подчиниться, сохраняя при этом чувство юмора» [Энафф, 2005, с. 53].

Очевидно, что все описанные грамматики являются результатом абстрагирования от многих существенных свойств человека, редукции его к персоне, организму, молекулярной машине. Однако, имея дело с такой сложной системой, как человек, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой, как же его описать целостно? В рамках какой из грамматик он может быть описан именно как человек? (Не вынося за скобки его статус ни в качестве персоны, ни в качестве органической машины, действующей на уровне молекулярного единства телесности.) Р. Харре справедливо отмечает, что проблема состоит в том, что «если мы говорим о значениях, то не говорим о причинно-следственных связях, а если мы говорим о молекулах, то не говорим о мотивациях» [Харре, 2005, с. 49]. Р. Харре идет в обход решения проблемы взаимоотношения сознания и тела и, прежде всего, ставит задачу исследования способов, которыми связаны различные дискурсы о человеке. В представленном им проекте гибридной психологии для сближения и формирования связей между различными языками описания используется понятие инструмента: «Существует метафора инструмента и его назначения, согласно которой данное назначение определяется в терминах О- и М-дискурсов. В таком случае

существует способ, которым диспозиции и способности, определяемые в П-дискурсе, основаны на структурах, состояниях и процессах, описываемых в терминах О- и М-дискурсов. Третья связующая цепочка возникает благодаря системам классификации, прикладываемым к сущностям, состояниям и процессам, которые могут быть описаны при помощи О- и М-дискурсов, основывающихся на классификации объектов, которые сперва определяются как принадлежащие к типам, определяемым в П-дискурсе» [Харре, 2005, с. 51]. Метафора инструмента закрепляет за П-дискурсом статус таксономического доминирования (таксономической первичности). Его суть можно объяснить на примере исследования мозговой деятельности: «Только благодаря наблюдению за происходящими когнитивными процессами внимание направляется на соответствующие им невральные состояния и процессы. Это и есть тезис о таксономической первичности» [там же, с. 52]. Таким образом, при описании человека мы предоставляем право первенства персональному описанию и от него переходим к более низким уровням описания: организмическому или молекулярному.

Если перенести установку использования метафоры инструмента в область описания мозговой деятельности, то выстраивается следующая картина: мозг рассматривается в качестве своего рода био-машины, или, как его называет Р. Харре, протезного устройства, выполняющего когнитивные задачи по аналогии с подобными ему техническими устройствами неорганического происхождения, например карманным калькулятором. Мозг – это инструмент для создания инструментов, протез для протеза. Он создает вербальные инструменты (суждения) для решения конкретных задач. Отделы мозга – это также отдельные инструменты, машины, которые в совокупности определяют целостность, фактически мегаинструмент – фабрику по производству когнитивных функций, т. е. сам мозг.

Функционирование мозга представляется необходимым, но не достаточным условием когнитивной деятельности. Полное описание человеческого бытия подразумевает не столько привлечение «машинных грамматик», сколько оценку и описание условий, относящихся к П-грамматике: присутствие других людей и их активную коммуникацию с предпринимающим мыслительную операцию субъектом. Р. Харре справедливо замечает отличие дискурса о человеке от дискурса классической физики, однотипная иерархия которой «вмещает в себя онтологию всех объектов, находящихся в ее области исследования, и для которой требуется только одна полная грамматика» [там же, с. 62]. Люди предстают друг перед другом в различных аспектах: как личности, организмы и сложносоставные кластеры молекул, представляющих различные виды онтологий и описывающих их грамматик. Нельзя обойтись без каждой из этих грамматик, основывающихся на этих онтологиях, и ни одна из них не может

быть расширена настолько, чтобы включить остальные без противоречия [Харре, 2005, с. 62]. Единая субстанция, как подчеркивает Р. Харре, дает различные типы связей: интенциональных и нормативных, с одной стороны (персональный и организмический уровни) и каузальных – с другой (молекулярный уровень). Последний уровень Харре относит к машинному, подчеркивая, что «человеческие существа в молекулярной онтологии являются машинами, не обладающими моральными характеристиками. Мозг в онтологии персон является инструментом для выполнения задач, устанавливаемых дискурсивно [там же, с. 59].

Очевидно, что, если мы попытаемся описывать функционирование мозга на основе использования метафоры инструмента, в случае необратимой поломки «инструмента», перед нами возникнет проблема не смерти человека, личности как таковой, а лишь отсутствие одного из атрибутов личности, одного из аспектов ее бытия, инструментализируемого в процессе ее жизнедеятельности. И если личность рассматривается нами как активный источник поведения, то инструментализируемый мозг является активным в подчиненном смысле, лишь реализуя интенции актора.

Фундаментальное отличие молекулярной и персональной грамматик выявляется при оценке связи этих грамматик с индивидом и социумом. Как полагает Р. Харре, П-грамматика имеет дело с личностями, осуществляющими коммуникацию, состоящими в социальных отношениях, в то время как М-грамматика склоняется к индивидуализму, поскольку, используя рабочую модель мозга-как-компьютера для механизмов управления собственным поведением, она апеллирует к индивидам (невральные инструменты являются частью индивида).

Тезис Р. Харре выглядит достаточно противоречиво. Если мы рассматриваем персональную грамматику лишь в аспекте коммуникации, тогда у нас возникает вопрос о наличии персональных качеств у тех, для кого установление коммуникативных связей или социальное общение представляет проблему. Речь идет о людях с ограниченными возможностями. Но мы с этической точки зрения не имеем права позволить себе описывать и оценивать этих человеческих существ исключительно на языке О- и тем более М-грамматики.

Спорным в этом контексте рассуждений выглядит также следующий тезис Харре: «Персоны с необходимостью материальны, так как обладание телом является необходимым условием для персонального тождества» [там же, с. 63]. Данное утверждение фиксирует жесткие границы между тремя обозначенными грамматиками, лишая возможностей описания ситуаций личностного бытия, которые находятся между ними, в частности тех, когда утрата контроля над собственным телом или способности к коммуникации приводит к вынужденной (вызванной волевым и когнитивным актом ученого, осуществляющего

процесс нормализации посредством введения удобной для него схемы описания человеческого существа) утрате личностной (персональной, моральной) идентичности. Невозможность инструментального использования своего тела автоматически ведет к переходу на уровень машинного существования. К примеру, речь может идти о детях, о недееспособных, инвалидах, больных аутизмом, лицах в вегетативном состоянии, пациентах с диагнозом смерти мозга и т. д. – то есть всех тех, кто оспаривает претензию на определение нормы человеческого. Моральный парадокс состоит в том, что, когда мы начинаем описывать их с помощью «машинных» грамматик, мы сами автоматически переводим себя на доперсональный уровень, становимся объектами машинных описаний, например, в состоянии сна, болезни, старческой немощи.

2. Машинерия смерти и рождение человека-биомашины (на примере «гибридного» дискурса о смерти мозга)

Р. Харре отмечает, что «в некотором смысле существует только один поток деятельности. Описанный в П-грамматике, он обнаруживает такие явления, как «эмоции», «установки», «воспоминания», «единицы знания», «проявление ловкости» и т. д. Используя метафору потока, мы можем думать об этих явлениях как о водоворотах, воронках, пене и волнах в постоянном потоке, иссушает который только смерть мозга действующего субъекта. Некоторые из них краткосрочны, в то время как другие – длительны» [Харре, 2005, с. 57].

Это высказывание интересно как минимум в двух аспектах. Во-первых, в нем представлена активная позиция западного рационалистического мышления, в основе которого подчеркивается неизменный приоритет персонального существования – его интенциональная и нормативная деятельность – фактор, отличающий персону от «машин».

Во-вторых, сама концепция личности, которая заложена в этом высказывании, оформляется на основе деятельностного подхода. Субъект представлен как вихрящийся поток деятельности, состоящий из эмоций, установок, единиц знания, проявлений ловкости и т. д. и прекращение этого потока вследствие смерти мозга тождественно смерти носителя потока – субъекта. Проект гибридной психологии, представленный Р. Харре, опирается на такие ключевые понятия, как инструмент, задачи, поток деятельности. Их условно можно считать антропологическими координатами, позволяющими смоделировать проект человека как персоны, идентичность которого задается осуществлением деятельности, целеполагания, инструментализации себя и мира.

Понятие персоны, как и понятие морали в рамках этого подхода, применимо лишь к той группе человеческих существ, которые обладают определенными телесными (биологическими) характеристиками. Тело пациента, например, того, чье существование детерминировано исправным функционированием «машины» ИВЛ, и тело дееспособного человека как два совершенно различных типа телесности (по физиологическим и личностнообразующим качествам) предполагают отличные друг от друга моральные критерии и способы описания. Именно второй тип порождает включенность в моральные и правовые отношения в качестве равноправного участника, в то время как первый находится под патерналистской опекой социальных, в частности медицинских, институтов, компенсирующих его недотягивание до стандартов дееспособности. Наличие определенных представлений об этой норме и научных конвенций, определяющих антропологические границы, позволяет приписывать человеку свойства (био)машины, а также проводить лингвистические манипуляции с именем «человек».

Один из ведущих исследователей в области когнитивной нейронауки М. Газзанига сравнивает человека, страдающего мозговыми нарушениями, с вышедшим из строя автомобилем, условно названным «Нелли»: «Нелли – часть твоей жизни, и сознания, и истории. Ты научился ездить на ней, твое первое свидание было в Нелли, и кто знает, что еще случится внутри Нелли. Но Нелли начинает ржаветь, ее заклинивает, ухудшаться и “Дженерал моторс” прекратило для нее выпуск деталей» [Gazzaniga, 2005, p. 31].

Проблематизация диагноза «смерть мозга» неизменно сопровождается биоэтическими дебатами об антропологическом и моральном статусе таких лиц, прагматически воспринимаемых в качестве «ржавеющих Нелли». Отсутствие самостоятельного дыхания, утраты целостности функционирования организма у таких пациентов позволяла их наделять лишь некоторыми признаками человека, относить к категории существ с утраченными антропологическими границами и деперсонифицировать их статус, характеризуя их как «растения», «артефакты технологической поддержки» и т. д., «запчасти машины». В процессе непрекращающихся дебатов об онтологическом статусе пациентов со смертью мозга выкристаллизовались позиции, обозначившие векторы демаркации жизни и смерти человека, зафиксировавшие границы человеческого, а также обозначены базовые модальности человеческого бытия. Среди них такие, как: открытость миру, т. е. восприимчивость к стимулам и сигналам из окружающей среды, способность оказывать влияние на мир с целью удовлетворения собственных потребностей, базовой способности ощущения, дающей возможность организму действовать так, как он должен действовать, и получать то, в чем он нуждается и что его открытость делает возможным [Controversies,

2008]. Такого рода характеристики можно рассматривать в качестве конститuentов одной из возможных моделей границ живого человеческого существа.

Вместе с тем не иссякали попытки «негативных» определений границ умершего, мертвого человека. К их числу, в зависимости от исходных мировоззренческих оснований и методологических посылок, относились: необратимая потеря сознания, необратимая потеря души или «сущности», необратимая потеря интегративных функций мозга, неизбежная остановка сердца в течение часов или дней, развитие необратимых дегенеративных изменений вещества мозга, нарушение кровотока, необратимая утрата функций мозга, нарушение функционирования ствола мозга, необратимая утрата важнейших функций головного мозга, в особенности стволовых структур, необратимая утрата сознания в сочетании со стойким нарушением дыхания и др. признаки.

Определение границ мертвого существа в отношении проблемы пациентов с диагнозом смерти мозга потребовало исследования различных видов смерти. Была, в частности, проведена дифференциация между смертью человека, т. е. отсутствием потенции разума и чувств, и смертью тела или организма. Исходя из этой философской позиции, человек, которому поставлен диагноз смерти мозга, вызывающей его недееспособность в отношении специфически человеческих качеств, считается «мертвым человеком». Однако умершему была придана ценность в прагматическом аспекте – в качестве источника органов.

Невозможность констатации четкого времени наступления смерти при диагностике смерти мозга вызывает вполне закономерный вопрос: является ли смерть единой реальностью, которая может быть описана достаточно ясно, или же современный человек имеет дело с качественно различными видами смерти, со сложным феноменом, требующим новых способов понимания и описания.

Смерть утверждается (констатируется), а не просто наступает, не происходит с человеком как с пассивно воспринимающим субъектом. Она вписана в рамки существующих научных конвенций и потому имеет легитимный статус. Одно из предложений, выдвигаемых в связи с появлением новой реальности смерти, включает в себе идею адекватного именованя существ, пребывающих в устойчивом вегетативном состоянии. J. Lizza определяет их состояние как форму жизни, созданную медицинскими технологиями [Lizza, 2005]. В этом контексте рассуждений такие пациенты являют собой производную от применения медицинских технологий. Их статус оказывается в чем-то ниже машинного и собственно машина (реанимационные технологии) рассматривается в качестве первоисточка их бытия. Ее роль, таким образом, не ограничивается поддержанием жизни. Она продуцирует новые формы жизни.

Анализ научных публикаций по проблеме смерти мозга позволяет выделить целый ряд имен пациентов, которым был поставлен данный диагноз. С каждым именем сопряжен ряд ценностных коннотаций. Каждое имя провоцирует не только размышления об онтологическом статусе пациента, но, прежде всего, определяет его дальнейшую участь – пациентов могут рассматривать как мертвых (и тем самым лишая реанимационной поддержки или использовать тела в качестве источника органов других тел и т. д.) или же продолжать считать живыми, поддерживая их существование всеми возможными способами.

Пациенту с диагнозом смерти мозга в различных контекстах присваиваются различные имена:

1. Артефакт технологической поддержки [Controversies, 2008].
2. Артефакт ИВЛ [ibid.].
3. Овощ, растение¹.
4. Неоморт [Курцмен Дж., Гордон Ф., 1987; Агамбен, 2012].
5. Источник органов².
6. Существо, форма жизни, созданная медицинскими технологиями [Lizza, 2005].
7. Интегративное единство телесности [Shewmon, 2001].
8. Личность [там же].

Наличие различных имен свидетельствует об отсутствии фиксированного значения у таких категорий, как жизнь и смерть. Само понятие «человек» является полисемичным. Он оказывается изменчивым знаком, за который вступают в борьбу различные поддискурсы. Из списка приведенных имен становится очевидно, что ряд поддискурсов о смерти мозга описывает человека в рамках персональной грамматики, ряд – как биомашину, функционирующую благодаря ИВЛ. Пациента также описывают как артефакт технологической поддержки и в контексте этого описания его живое бытие рассматривается как побочный эффект запуска реанимационными технологиями биомашинны – человеческого тела.

Использование персональной грамматики при описании пациентов со смертью мозга – достаточно редкое явление: на сегодняшний день диагноз смерти мозга обрел легитимность практически во всех странах мира. Вопрос о признании кого-то в качестве определенности, наделенной теми или иными характеристиками, которые могут позволить считать то или иное существо в качестве личности, всегда осложняется бесчисленным множеством определений личности. Они всегда специфицированы контекстом исследования: богословским, философским, медицинским, психологическим и многими другими. Те характеристики, которые могут считаться

¹ Дискурсы о пациентах, пребывающих в вегетативном статусе.

² Дискурсы о трансплантации органов и тканей человека.

доличностными или неличностными, в одних контекстах рассуждения оказываются значимыми для конституирования личности для других.

Заключение.

Смерть мозга и релятивизм научной истины

Современное состояние науки в отношении диагностики смерти мозга демонстрирует пример закравшегося научного релятивизма. Критерии диагностики смерти мозга оказываются производными от конкретного опыта, накопленного в рамках той или иной научной школы, зачастую бывают окрашены тенденциями социального и экономического развития, связаны с уровнем развития технологий и нравственности в конкретном сообществе. Различия в констатации смерти мозга (отсутствие единой дефиниции смерти мозга, единых клинических критериев, приоритета в выборе дополнительных тестов и др. факторов) характеризуют современную науку как феномен, артикулирующий несовместимые системы ценностей, заложенные в существующие медицинские практики. Концепт смерти мозга парадоксальным образом разместился в контексте проблем трансплантологии, он востребован ее развитием. В этом отношении он отражает прагматический характер научной истины. Мощной детерминантой современной науки является финансовый фактор: результат быстрого продвижения многих научных теорий связан не только с их истиной, но и с экономической целесообразностью. Подчеркнем, что своевременная констатация смерти мозга – экономически целесообразна. В частности, длительное пребывание пациентов с данным диагнозом рассматривается как экономическое обременение для системы здравоохранения. Современная наука – при всем ее стремлении к универсальной истине, в фокусе проблемы смерти мозга предстает как социокультурный конструкт, определяемый палитрой национальных стилей решения научных проблем. Вот лишь некоторые примеры: японское общество на законодательном уровне предоставляет самому индивиду признавать или не признавать концепцию смерти мозга, принята концепция смерти мозга как смерти ствола мозга (Великобритания), идет борьба за принятие концепции смерти мозга как смерти высших отделов мозга. Диагноз смерти мозга показателен с точки зрения наложения социокультурных кодов на эмпирию медицинского диагноза, на формирование научной истины. Развитие современной науки связано с заключением определенных конвенций, которые могут пересматриваться со временем. Концепция смерти мозга является такой же конвенцией, разрушение или как минимум новый этап проблематизации которой может произойти совершенно

неожиданно в свете прорывов в сфере технологий регенерации мозга, появления новых возможностей трансплантации органов, смены социальных мировоззренческих установок относительно смерти и умирания и др. факторов.

В рамках формирующегося дискурса об этике нейронаук все сильнее артикулируется проблема определения границ человеческого существования, акцентируется внимание на необходимости окончательного проведения черты между жизнью и смертью. В контексте развития современной технонауки она (черта) становится научно конструируемой, экономически целесообразной и прагматически оправданной, заставляющей усомниться в абсолютности медицинских диагнозов в частности и научной истины в целом и в этой связи требующей постоянного проведения этического мониторинга.

Список литературы

Агамбен, 2012 – *Агамбен Дж.* Номо Сакер. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012. 192 с.

Курцмен, Гордон, 1987 – *Курцмен Дж., Гордон Ф.* Да сгинет смерть! Победа над старением и продление человеческой жизни. М.: Мир, 1987. 216 с.

Харре, 2005 – *Харре Р.* Союз дискурс-анализа с нейронаукой // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2005. Т. VI. № 4. С. 38–63.

Энафф, 2005 – *Энафф М.* Маркиз де Сад: Изобретение тела либертена. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2005. 448 с.

Юдин, 2005 – *Юдин Б.Г.* От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // *Знание. Понимание. Умение.* 2005. № 3. С. 104–110.

Юдин, 2016 – *Юдин Б.Г.* Технонаука и улучшение человека // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2016. Т. XLVIII. № 2. С. 18–27.

Controversies, 2008 – *Controversies in the Determination of Death.* The President's Council on Bioethics. Washington, 2008. URL: <https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/death/> (дата обращения: 05.02.2019).

Gazzaniga, 2005 – *Gazzaniga M.S.* The Ethical Brain. The Science of Our Moral Dilemmas. N. Y.; L.; Toronto; Sydney: Harper Perennial, 2005. 240 pp.

Handbook, 2015 – *Handbook of Neuroethics / Ed. by J. Clausen & N. Levy.* Dordrecht: Springer, 2015. 1850 pp.

Lizza, 2005 – *Lizza J.P.* Potentiality, Irreversibility, and Death // *Journal of Medicine and Philosophy.* 2005. Vol. 30. No. 1. P. 45–64.

Shewmon, 2001 – *Shewmon D.* The Brain and Somatic Integration: Insights Into the Standard Biological Rationale for Equating «Brain Death» With Death // *Journal of Medicine and Philosophy.* 2001. Vol. 26. No. 5. Pp. 457–478.

References

Agamben, G. *Homo sacer. Chto ostayetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel* [Quel che resta di Auschwitz. L'archivio e il testimone (Homo Sacer III)]. Moscow: «Yevropa», 2012, 192 pp. (In Russian)

Clausen, J. & Levy, N. (eds.). *Handbook of Neuroethics*. Dordrecht: Springer, 2015, 1850 pp.

Controversies in the Determination of Death. The President's Council on Bioethics. Washington D. C., 2008. [<https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/reports/death/>, accessed on 05.02.2019]

Enaff, M. *Markiz de Sad: Izobreteniyete tela libertena* [Sade, l'invention du corps libertine]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya, 2005, 448 pp. (In Russian)

Gazzaniga, M.S. *The Ethical Brain. The Science of Our Moral Dilemmas*. New York, London, Toronto, Sydney: Harper Perennial, 2005, 240 pp.

Harré, R. *Soyuz diskursivnoy psikhologii s neyronaukoy* [The Union of Discourse Psychology with Neuroscience], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2005, vol. VI, no. 4, pp. 38–63. (In Russian)

Kurtzman, J. & Gordon, P. *Da sginet smert! Pobeda nad stareniyem i prodleniye chelovecheskoy zhizni* [No More Dying: The Conquest of Aging and the Extension of Human Life]. Moscow. Mir, 1987, 216 pp. (In Russian)

Lizza, J.P. “Potentiality, Irreversibility, and Death”, *Journal of Medicine and Philosophy*, 2005, vol. 30, no. 1, pp. 45–64.

Shewmon, D. “The Brain and Somatic Integration: Insights Into the Standard Biological Rationale for Equating «Brain Death» With Death”, *Journal of Medicine and Philosophy*, 2001, vol. 26, no. 5, pp. 457–478.

Yudin B.G. “Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tekhnologiyam” [From Humanitarian Knowledge to Humanitarian Technologies], *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2005, no 3, pp. 104–110. (In Russian)

Yudin, B.G. “Tekhnonauka i uluchsheniye cheloveka” (Technoscience and Human Improvement), *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. XLVIII, no. 2, pp. 18–27. (In Russian)